

В глубокой тьме Су Чэ казалось, что он блуждает целую вечность. Наконец густой черный туман начал рассеиваться, и в первобытном хаосе на его лицо упал едва заметный луч света.

Чувствительность кожи подсказала, что свет был слабым. Су Чэ даже ощущал, как эти блики со временем переместились с левого века на правое, отчего стало щекотно.

Тяжесть в теле становилась всё ощутимее, а вместе с возвращением чувств слух уловил окружающие звуки.

— М-м, как шумно...

Су Чэ с трудом поднял руку, чтобы прикрыть глаза, но это не помогло заглушить щебет птиц. Он машинально нахмурился. Хотя на пиках Силянью никогда не было недостатка в пернатых, из-за того что он годами предавался медитации, требующей абсолютной тишины, все птицы давно были изгнаны за пределы магического массива. В своих воспоминаниях он уже много лет не слышал их пения так близко.

— Цин Янь, ты наконец-то очнулся.

Раздался незнакомый голос, и вслед за ним послышался шум хлопающих крыльев — видимо, птицы в испуге разлетелись.

Цин Янь?

Су Чэ пребывал в замешательстве, в голове стоял туман, и он никак не мог осознать происходящее. Раз зовут не его, значит, можно спать дальше...

— Не притворяйся спящим. Думаешь, такими мелкими уловками еще можно кого-то обмануть?

В голосе зазвучало раздражение. Не заботясь о том, есть ли у Су Чэ силы открыть глаза, собеседник схватил его за ворот и рывком поднял с кровати.

Последовала пощечина, от которой лицо обожгло резкой болью, и Су Чэ мгновенно протрезвел. Он с трудом разлепил веки, но тело еще не восстановилось — перед глазами всё плыло, и даже сидящий рядом человек казался лишь размытым пятном.

Су Чэ потер глаза и тряхнул головой, чувствуя, что атмосфера вокруг совершенно чужая. Не говоря уже о внезапном птичьем щебете, сам тон, которым с ним разговаривали, казался чем-то немыслимым.

Хотя в Секте Цинъян Су Чэ никогда не вмешивался в дела ордена, он оставался духовным лидером пути Дао, а его уровень Превращения в Божество внушал трепет. Не то что рядовые

ученики — даже четыре старейшины, обладавшие глубоким опытом, обращались к нему с величайшей осторожностью. Его холодный нрав не располагал к гневу, но само присутствие мастера такого уровня заставляло любого проявлять почтение. Привычка, выработанная годами, заставила его, далекого от мирских забот, поверить, что большинство людей в этом мире вежливы и мягки.

Конечно, не считая неразумных культиваторов демонического пути и демонов-оборотней.

Сейчас, хоть его сознание и было затуманено, он был не настолько глуп, чтобы не понять, что его ударили по лицу. Подавив потрясение, Су Чэ попытался разобраться в ситуации. К счастью, тот, кто его ударил, увидев, что он пытается открыть глаза, не стал продолжать и лишь холодно наблюдал со стороны.

Су Чэ опустил голову и принялся массировать виски, пытаясь вспомнить произошедшее. Последнее, что осталось в его памяти — Пик Шаохуа. Огромный магический массив, центром которого он был, уже развернулся. Четыре старейшины Секты Цинъян, не жалея жизней, защищали его во время прохождения испытания. Но Вихрь Первобытного Потопа преподнес сюрприз: девять ударов Грома Девяти Небес слились в один. Су Чэ не смог противостоять чудовищному давлению, растерял все свои духовные силы и в итоге лишился даже плотского тела, обратившись в прах.

Воспоминания заставили его мелко задрожать. Давление от слияния Грома Девяти Небес могло уничтожить душу любого культиватора уровня Превращения в Божество. Страх перед Небесным Путем был врожденным, и даже с ростом мастерства он не исчезал. А уж после того, как Су Чэ сам испытал эту невыносимую боль, такая реакция была вполне естественной.

Сидевший рядом человек, заметив, что Су Чэ пришел в себя и начал дрожать, вздохнул и утешил:

— Цин Янь, я понимаю, ты напуган тем, что сделал мастер секты. Но это была случайность, тогда он был одержим демонической силой и никого не узнавал. Разве ты не в порядке? Твои конечности, оторванные мастером, были пришиты с помощью Искусства Марионеток, даже шрамов не осталось. Не веришь — распахни халат и посмотри.

Снова услышав, как его называли Цин Янем, и проанализировав слова собеседника, Су Чэ понял: хотя он и пострадал от Грома Девяти Небес, удар не стал окончательным концом. Если бы Небеса действительно хотели его уничтожить, не осталось бы ни крупицы его божественного сознания.

Говорят, Небо и Земля не знают жалости, относясь ко всем существам как к соломенным собакам. Су Чэ, хоть и мог смотреть свысока на многих, перед лицом Небесного Пути оставался лишь игрушкой. По всей видимости, его божественное сознание, чудом уцелевшее под ударами грома, вселилось в свежий труп, чьи вибрации души оказались близки к его собственным.

Проще говоря, он воскрес в чужом теле.

Су Чэ быстро принял тот факт, что его душа заняла тело человека по имени Цин Янь. Из слов собеседника он извлек и другие сведения. Во-первых, Цин Янь был убит крайне жестоким способом, а затем «воскрешен» с помощью Искусства Марионеток, но его душа исчезла, освободив место для призрака Су Чэ. Во-вторых, убийцей был мастер какой-то секты. В-третьих, конечности были пришиты с помощью темной магии, которую Су Чэ не жаловал.

От одной мысли об этом голова, и без того раскалывающаяся от боли, стала еще тяжелее. Су Чэ невольно простонал.

Собеседник, увидев, что Су Чэ снова повалился на кровать, вздохнул и схватил его за запястье. Су Чэ почувствовал, как в него вливается поток истинной энергии. Головная боль отступила, двоение в глазах исчезло.

— Полегчало? — человек убрал руку, заметив, что холодный пот перестал выступать на лбу Су Чэ. — В обычное время я бы ни за что не стал делиться с тобой энергией, даже прикосновение к чужаку для меня недопустимо. Но сейчас времена иные, приходится идти на исключения. Если хочешь жить — держи язык за зубами.

Тон был мягким, но слова звучали как прямое предупреждение. Су Чэ, придя в себя, наконец смог разглядеть собеседника. Осознание того, кто перед ним, повергло его в шок. Су Чэ годами не покидал затвора, и даже люди внутри Секты Цинъян редко видели его, не говоря уже о чужаках. Но личность этого человека была слишком приметной, а его хозяин — слишком высокомерным.

— Ты... Ду Яо? — с трудом вспомнив имя, прошептал Су Чэ.

Ду Яо нахмурился и сурово произнес:

— С чего такая дерзость? Как ты смеешь называть меня по имени?

В горах Призрачной Долины Ду Яо был вторым человеком после главы, и все обращались к нему только как к Защитнику Ду. В его голосе сквозило недовольство. Будучи культиватором на стадии Зарождающейся Души, он невольно выпустил часть своего давления, отчего Су Чэ почувствовал, будто чья-то рука сжала его сердце. Он начал задыхаться, а лицо его стало блее бумаги.

Увидев состояние Су Чэ, Ду Яо поспешно втянул ауру и нахмурился:

— Ты только что оправился от тяжелых ран, тело твое слабо, даже такой малости вынести не можешь. Как же ты собираешься обмануть мастера секты...

Ду Яо был погружен в свои мысли и не стал наказывать за неуважение. Однако Су Чэ был еще более растерян. Имя Защитника Ду, культиватора демонического пути из Долины Без

Прощения, привело его в ужас.

Ду Яо был правой рукой Ань Циюаня, того самого демона, чья жестокость не знала границ. Су Чэ вспомнил, как на последнем состязании сект этот демон не сводил с него глаз, что едва не привело к кровавой резне между учениками.

С древних времен праведный и демонический пути несовместимы. Секта Цинъян придерживалась принципов недеяния и естественности, тогда как демоны вставали на путь поглощения всего живого. Хотя демоны могли совершенствоваться и сами, их путь был ограничен, поэтому самым быстрым способом для них было поглощение энергии других культиваторов. Ань Циюань лично убил и поглотил своего предыдущего защитника, когда тот сошел с ума, показав, что не знает жалости даже к самым преданным слугам.

К счастью, существовало ограничение: демоны могли поглощать лишь энергию себе подобных или тех, кто шел по кривым путям. Поглощение энергии даосов или буддийских культиваторов приводило к повреждению их собственного мастерства, поэтому между праведниками и демонами сохранялось хрупкое равновесие.

Су Чэ вспомнил взгляд Ань Циюаня на состязании: тот смотрел на него как на добычу, которую хотел бы проглотить целиком. Тогда Су Чэ был на поздней ступени Превращения в Божество, а Ань Циюань — лишь на средней, поэтому он не обращал внимания на эти взгляды.

Но теперь всё изменилось. Он больше не лидер Секты Цинъян.

Тот крошечный поток энергии, что передал Ду Яо, уже насытил его тело. Су Чэ попытался прогнать эту энергию по каналам, чтобы оценить состояние своего нынешнего сосуда, но она лишь бессмысленно растекалась, не образуя цикла. В Даньтяне было пусто, тело казалось свинцовым.

Все факты жестоко указывали на то, что сейчас он — лишь обычный человек без капли мастерства. Су Чэ охватило отчаяние.

<http://bllate.org/book/20774/2084321>